

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 67—77
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.6

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 67—77
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.6

«#ОНАЖЕМАТЬ»: ИМПЛИЦИТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МАТЕРИНСТВЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

А. В. Микляева, П. В. Румянцева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com

Изложены результаты теоретического и эмпирического анализа социальных представлений о материнстве. Показано, что социальные представления о материнстве неоднородны и, помимо декларируемого содержания, предполагающего исключительно позитивный образ материнства в общественном сознании, включают в себя имплицитные компоненты, содержащие противоречивые ожидания от женщины в материнской роли. Отмеченные противоречия носят универсальный с точки зрения культуры характер и вместе с тем имеют выраженную социокультурную специфику. На основе контекст-анализа интернет-форума выявлено, что противоречивость ожиданий от женщины-матери характерна в том числе для современного российского общества, причем описанные противоречия несут в себе потенциал конфликтности в межличностных отношениях (как в семье, так и за ее пределами), выступают основанием для неявной дискриминации женщин-матерей в различных сферах жизни, а также для проявления эффекта самодискриминации.

Ключевые слова: материнство, теория социальных представлений, имплицитные социальные представления.

**“#SHEISAMOTHER”: IMPLICIT SOCIAL BELIEFS
ABOUT MOTHERHOOD
IN THE MODERN RUSSIAN INTERNET DISCOURSE**

A. V. Miklyayeva, P. V. Rumyantseva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
a.miklyayeva@gmail.com

The paper presents the results of both the theoretical and empirical research of social beliefs about motherhood. It is shown that social beliefs about motherhood are rather heterogeneous. They include some open content according to which motherhood is highly respected and emotionally positive social role, but there also are some implicit components that contain conflicting social expectations. These contradictions are universal from the cultural point of view but are different in different cultures.

The authors chose to sample posts on motherhood from a Russian based parenting website (<http://forum.materinstvo.ru/>). The method of inductive content-analysis was applied, and 667 posts were analyzed in total. The results have shown that in modern Russian society the conflicting content of social beliefs about motherhood is connected with the contradictions in the social expectations imposed on a woman in a maternity role. It is supposed that a mother is responsible for her children's and other family members' wellbeing in almost every realm of life. It makes fulfillment of those expectations impossible. These contradictions can lead to various interpersonal conflicts (both within the family and outside it), and can form a basis for different forms of mother's discrimination in varied social contexts as well as lead to a self-discrimination phenomena manifestation.

Key words: motherhood, social beliefs theory, implicit social beliefs.

Феномен материнства исследуется в современной науке довольно широко. Одним из популярных направлений является изучение представлений о материнстве, о системе социальных и межличностных отношений. Анализ литературы свидетельствует о том, что в большинстве социологических и социально-психологических работ, посвященных изучению представлений о материнстве, прослеживается тенденция к описанию тех аспектов их содержания, в рамках которых материнство имеет преимущественно положительные коннотации [Васягина, 2015; Пономарева, 2014; Конторович, 2010]. Однако повседневная практика свидетельствует о том, что в содержании социальных представлений о материнстве имеет место и составляющая противоположной модальности, носящая имплицитный (малоосознаваемый) характер. Эта составляющая попадает в фокус внимания значительно реже, несмотря на ее очевидное влияние на широкий спектр социальных и межличностных отношений, связанных с реализацией женщиной материнской роли, и зачастую становится предпосылкой дискриминации женщины, выступающей в роли матери. Наиболее популярной методологической парадигмой исследования имплицитных компонентов социальных представлений о материнстве сегодня является парадигма социального конструкционизма, в рамках которой материнство рассматривается как социальный конструкт [Kruger, 2006].

В качестве теоретико-методологической базы изучения представлений о материнстве, распространенных в современном социуме, целесообразно рассматривать теорию социальных представлений, разработанную французской школой социальной психологии (С. Московичи, В. Дуаз, Д. Жодоле и др.). *Социальные представления* — это универсальный социально-психологический феномен, объединяющий идеи, мысли, образы и убеждения, которыми совместно пользуются члены общности [Augoustinos, Innes, 1990], определяющий смысловые границы, в которых трактуются социально-значимые объекты, а также отношение к этим объектам [Андреева, 1997]. При этом социальные представления, по утверждению С. Московичи, настолько глубоко проникают в реальность, что, по сути, создают сами себя [Московичи, 1995], т. е. не только отражают реальность, но и активно участвуют в ее формировании [Емельянова, 2006]. Результаты современных социально-психологических исследований позволяют выделить в структуре социальных представлений содержательно различные компоненты: декларируемые (отвечающие социальному «мейнстриму», наиболее осознанные, не вызывающие конфликтного отношения к себе) и имплицитные (малоосознаваемые в силу потенциальной конфликтности, однако влияющие на социальное поведение наряду с декларируемыми) [Павлова и др., 2015].

Анализ литературы, посвященной изучению социальных представлений о материнстве, позволяет утверждать, что обозначенная нами проблема имплицитных представлений о материнстве, вступающих в противоречия с эксплицитными, актуальна для различных культур. Обозначим ее основное содержание.

Во-первых, характерной чертой данных представлений является прежде всего существующая в общественном сознании обязательность исполнения любой женщиной материнской роли, так называемый «материнский мандат»: согласно традиционным представлениям о разделении гендерных ролей, именно материнство составляет стержень идентичности любой женщины, исторически ей предписывалось иметь как можно больше детей, предпочтительно мальчиков, и воспитать их «хорошо» [Russo, 1979]. Как показывают результаты современных исследований, отказывающиеся от рождения детей женщины по-прежнему подвергаются общественному осуждению и стигматизации, поскольку материнство считается естественным состоянием женщины, соответственно отсутствие детей квалифицируется как состояние ненормальное и нездоровое, а такие женщины рассматриваются в качестве эгоистичных, несчастных, психологически неполноценных [Meyers, 2001; Gillespie, 2003; Mamabolo et al., 2009].

Во-вторых, предполагается, что материнство должно приносить всем женщинам счастье и эмоциональное удовлетворение, поскольку они обладают особым врожденным «материнским инстинктом», который детерминирует формы поведения, направленные на заботу о ребенке. Женщины, не способные получать эмоциональное удовлетворение от исполнения материнских ролей, считаются психологически и психически нездоровыми [Kruger, 2006]. Именно данные социальные представления делают для многих женщин невозможным выражение отрицательных эмоциональных переживаний, связанных с материнством (неудовлетворенность, разочарование, фрустрация, гнев), и, следовательно, поиск социальной поддержки [Mamabolo et al., 2009].

В-третьих, еще одной универсальной с культурной точки зрения чертой социальных представлений о материнстве является жесткая нормативность

исполнения данной социальной роли, наличие в общественном сознании модели идеальной матери, которой в реальности практически невозможно соответствовать. Анализ литературы показывает, что, стараясь соответствовать этим значительно идеализированным представлениям о материнстве, многие женщины начинают испытывать чувство вины и эмоциональную амбивалентность во взаимодействии с собственными детьми [Triliva, 2014].

В-четвертых, в исследованиях показано, что социальные представления о материнстве влияют на сферы, находящиеся за пределами семейного взаимодействия. В частности, выявлено, что переход женщины к материнству приводит к изменениям взаимных ожиданий самой женщины и ее работодателя, т. е. изменениям в так называемом психологическом контракте [Costa et al., 2012]. Беременных женщин сотрудники по работе начинают воспринимать не как эффективных профессионалов, а исключительно как будущих матерей, хотя для самих женщин их профессиональная идентичность остается весьма значимым компонентом самосознания. Это приводит к появлению ощущения недооцененности, маргинализации и страхам и тревоге, связанным с неуверенностью в собственном профессиональном будущем. После возвращения из отпуска по уходу за ребенком женщинам приходится прилагать определенные усилия для того, чтобы воссоздать позитивную профессиональную идентичность либо сформировать новый ее вид — идентичность работающей матери, преодолевая негативные социальные представления коллег, сомневающих в их компетентности и мотивированности, а также собственное чувство вины и тревоги, связанное с опасениями относительно невозможности успешно сбалансировать материнскую и профессиональную идентичности [Millward, 2006; Haynes, 2008].

На наш взгляд, определенный интерес представляют и культурно-специфические особенности того, как эти универсальные компоненты социальных представлений о материнстве преломляются в конкретной культуре, поскольку, как отмечают исследователи, материнство представляет собой систему социальных отношений, выходящих за пределы и нуклеарной, и расширенной семьи в более широкий социальный и культурный контекст. Именно постоянно изменяющийся, конструируемый и реконструируемый контекст формирует материнскую идентичность и конкретные поведенческие практики [Triliva, 2014].

Результаты исследования, проведенного на Крите, показывают, что греческие женщины осознают давление социальных норм «хорошего материнства», ощущают собственную ответственность не только за своих детей, но и за экономическое, моральное и прочее благополучие общества в целом. Это давление усиливается вследствие постоянных социальных изменений, поскольку общественные ожидания в нестабильном социокультурном контексте оказываются насыщенными противоречивыми, а значит крайне мало реализуемыми посланиями. Интересно, что данные факты находятся в противоречии с многократно описанными в греческой культуре образами материнства и матери, которые воспринимаются исключительно в позитивном эмоциональном ключе, высоко социально оцениваются, рассматриваются в качестве наиболее значимой, универсальной и «священной» роли каждой женщины [Triliva, 2014].

В Японии достаточно широко распространенными остаются традиционные представления о материнстве, которые включают идеи высочайшей преданности детям и самопожертвования. В исследованиях подчеркивается, в частности,

что женщина не может быть хорошей матерью, если она не жертвует собой ради своих детей, и что удовольствие от материнства возможно получить исключительно через преодоление трудностей, связанных с воспитанием детей. Эти представления оказываются весьма устойчивыми даже в эпоху общественных изменений, сопровождающих технологические инновации и экономическое развитие. Многие японские женщины по-прежнему с трудом совмещают карьеру и воспитание детей, а количество работающих женщин, имеющих детей дошкольного возраста, в Японии гораздо ниже, чем в других развитых странах. Подобные представления о материнстве приводят к наличию у современных японских женщин эмоционально амбивалентных переживаний относительно собственного родительского опыта [Aono, Kashiwagi, 2011].

Интересно, что данные представления обнаруживают определенное сходство с элементами традиционной русской православной культуры, в которой женщине-матери приписывается достаточно высокий статус. Достигается он, однако, полным самопожертвованием, требуемым от исполнительницы этой социальной роли [Юсупова, 2000]. В современном российском общественном сознании материнство часто связывается с понятием «ответственность», которое трактуется как психологическая и интеллектуальная готовность к выполнению родительской функции. В понятие ответственности включается также и особым образом организованное взаимодействие между матерью и ребенком, которое должно быть основано на очень точном понимании матерью нужд и потребностей ребенка, на положительных эмоциональных взаимоотношениях с ним, а также неприятию физических наказаний [Shpakovskaya, 2015].

Таким образом, в социологической и социально-психологической литературе убедительно показано, что, помимо эксплицируемого содержания, социальные представления о материнстве включают в себя имплицитные компоненты, содержащие негативные коннотации материнства. Для их изучения нами было проведено эмпирическое исследование, в рамках которого анализировались имплицитные аспекты социальных представлений о материнстве, нашедшие отражение в пространстве интернет-форумов, посвященных проблемам материнства. В качестве предварительной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что социальные представления о материнстве, отражающиеся в интернет-пространстве, неоднородны и, помимо традиционно вербализуемых представлений положительной модальности, включают в себя амбивалентно окрашенные представления, которые имеют имплицитный характер и вследствие этого вызывают сопротивление интернет-аудитории в случае их вербализации.

Методологическую базу исследования составила позиция зарубежных исследователей [Mittra, Watts, 2002; Tanner, 2006], согласно которой в Интернете находят отражение актуальные социальные дискурсы, поскольку он создает свободное (прежде всего в силу анонимности) пространство для воспроизведения социальных представлений. В частности, в рамках обсуждений на различных интернет-форумах актуализируются не только декларируемые компоненты социальных представлений, но и те, которые вступают в противоречие с ними.

Отметим, что в процессе выбора материала для анализа мы столкнулись с трудностями, связанными с тем, что проблемы, сопряженные с имплицитными представлениями о материнстве, обсуждаются напрямую крайне редко. В качестве иллюстрации можно привести данные о том, что в пяти самых многочисленных

группах социальной сети «ВКонтакте», в названии которых фигурирует слово «материнство» (общая численность — 187 610 участников¹), обозначенная проблема прямо не поднимается ни разу. Как правило, сообщения, посвященные этой проблематике, «рассыпаны» по разным тематическим форумам, что не позволяет осуществить ее систематическое описание.

В этой связи в качестве материала для анализа были выбраны сообщения, представленные на форуме «Материнство» (<http://forum.materinstvo.ru/>), в обсуждениях которого была обнаружена тема, прямо связанная с заявленной проблемой: «Материнство — дискриминация и рабство, сладкое для “плохих” мам»². 667 сообщений, составляющих тему, были подвергнуты контент-анализу.

На первом этапе контент-анализа определялись сообщения, отражающие амбивалентно окрашенные представления о материнстве (те аспекты представлений, которые вызвали негативный эмоциональный отклик интернет-аудитории). Оказалось, что 73,1 % от общего числа сообщений в анализируемой теме носят нейтральный характер или не имеют прямого отношения к проблеме. В 12,7 % сообщений, составляющих содержание интернет-дискуссии, находят отражение амбивалентные представления о материнстве. 14,9 % сообщений содержат более или менее ярко выраженное осуждение вербализации внутренней противоречивости представлений о материнстве и материнской роли. Именно две последние группы сообщений были выбраны в качестве материала для углубленного изучения.

Анализ сообщений, в которых фиксировалось амбивалентное содержание представлений о материнстве, проводился последовательно по двум основаниям: темы противоречий, отраженные в представлениях о материнстве, и сферы жизни, в которых актуализируются амбивалентные представления о материнстве. Результаты отражены в таблице.

**Частота встречаемости контент-аналитических категорий,
которые содержат амбивалентные представления о материнстве**

Категория ответа	Частота встречаемости
<i>Тема противоречий в представлениях о материнстве</i>	
Взаимодействие с ребенком	0,682
Взаимодействие с мужем	0,212
Профессиональная самореализация женщины	0,082
Другое	0,024
<i>Сфера жизни, в которой актуализируются амбивалентные представления о материнстве</i>	
Внутрисемейное взаимодействие	0,376
Самоотношение женщины	0,329
Профессиональное взаимодействие	0,112
Взаимодействие с образовательными учреждениями, которые посещают дети	0,103
Взаимодействие с незнакомыми людьми	0,080

¹ Здесь и далее приводятся данные по состоянию на 27 июня 2016 г.

² В цитатах с форума сохраняется орфография и пунктуация источника.

Большинство подобных сообщений содержат фиксацию противоречивости требований, предъявляемых обществом к «хорошей матери», и, следовательно, невозможности им соответствовать в реальности.

Написала [на форуме], что учила на велике кататься беременная — плохая мать, о маленьком в животе не подумала, не позаботилась, а вдруг замершая [беременность], а вдруг роды преждевременные (ребенок-то родился уже 1,5 года как, и все нормально у него, слава Богу). Написала бы, что из-за беременности отложила обучение, была бы тоже плохая мать, что только о своих хотелках думает, а о старшем не заботится, и он же не виноват и из-за братика страдать не должен. А еще ленивая, беременностью отговаривается, чтобы от активных прогулок откосить.

Другая часть сообщений фиксирует сверхответственность матери как существенный компонент социальных представлений.

...Выйдите и скажите: «Муж завел любовницу. Нашему ребенку год, очень возбудимый малыш, я ночи не сплю, на мужа и фигуру, ессесна, подзабила — наверное, виновата сама...» — и услышите в ответ целый хор: «Да, сама виновата, стала коровой, а мужчинам нужен феерический секс!» или пожалуйте: «Сижу дома с ребенком, устаю ужасно, на уборку часто не хватает сил, а муж ругается» — и опять же вам сообщат, что вы «самадура» и просто безрукая лентяйка, поскольку абсолютное большинство здешних мамочек умудряется и с дитем сидеть, и порядок наводить, и красотой блистать, и третье высшее получать в перерывах между кормлениями. Или скажите: «Сижу в декрете, малышу полтора года, муж не хочет зарабатывать...» — и вот оно опять: «А вы сами зарабатывать не пробовали? Муж вам ничего не должен!» Слишком много ответственности перекладывается на мать.

Эти противоречия сосредоточены вокруг разных тем, прежде всего взаимодействия с ребенком (0,682 от общего количество ответов в данной категории, основное противоречие коренится в континууме «мало внимания детям — мало внимания себе»), взаимодействия с мужем (0,212, основное противоречие «мало внимания детям — мало внимания мужу»), профессиональной самореализации женщины (0,082, основное противоречие «мало внимания детям — карьерная несостоятельность / финансовая зависимость»).

Анализ сфер, в которых проявляются данные аспекты социальных представлений о материнстве, показывает, что это в первую очередь сфера семейных отношений (0,376): *Наиболее обидно, когда фраза «Ты плохая мать» исходит от родных людей.* Значительно реже упоминаются различные внесемейные сферы: образовательные учреждения, которые посещают дети (*А я сегодня... в Гошкиной школе наслушалась, какая я мать и сколько кому я должна*), потенциальные места работы (*Найти бы работу, на которую можно с ребенком приходить*), взаимодействие с незнакомыми людьми (*Любой прохожий лучше меня знает, как надо воспитывать моего ребенка*). Обращает на себя внимание тот факт, что негативные коннотации материнства прослеживаются не только в межличностных отношениях, которые в силу этого, как видно из приведенных высказываний, приобретают конфликтный потенциал, но и в самоотношении матери. Примерно треть ответов из этой категории (0,329) свидетельствуют о том, что подобные представления наносят ущерб самоотношению женщины,

заставляют чувствовать себя виноватой или несостоятельной в своей материнской роли (*Все время съедаю себя поедом*), провоцируя различные формы самодискриминации.

В контексте нашего исследования интерес вызывали не только те сообщения, в которых содержались отсылки к имплицитным социальным представлениям о материнстве, но и реакции на эти сообщения со стороны других пользователей. Прямые ответы (обращенные к автору сообщения) составили 26,4 % от общего числа сообщений, причем больше половины из них содержали в себе негативные оценки позиции или личности автора сообщения, носящего амбивалентный характер (14,9 % от общего числа сообщений, как отмечалось выше). Встречались как достаточно мягкие порицания в адрес авторов соответствующих сообщений (*Я вас не хочу обижать никоим образом, просто большинство проблем вы сами себе создаете, искусственно и как будто наслаждаетесь даже*), так и довольно резкие оценки отдельных участниц обсуждения (*Имхо, у вас гормоны бушуют + наличие погодок добавляет, так сказать*) или авторов соответствующих постов в целом (*Девушки, если для вас быть это умереть, зачем вы создавали семью и замуж выходили? Выглядит так, как будто вас прям в загсе изнасиловали, заставили с мужем жить да детей рожать...*). С одной стороны, такого рода отклики являются прямым подтверждением внутренней противоречивости социальных представлений о материнстве и наличия в них имплицитного содержания, не соответствующего магистральному, исключительно позитивному образу матери. С другой стороны, учитывая, что авторами сообщений в рассматриваемой ветке форума выступают исключительно женщины, очевидно, что эти противоречия не в полной мере осознаются не только обществом в целом, но и женским сообществом, которому они наносят наибольший ущерб.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование позволило подтвердить сделанный на основании литературных данных вывод о существовании имплицитного, то есть малоосознаваемого, пласта в социальных представлениях о феномене материнства [Павлова et al., 2015; Kruger, 2006; Mamabolo et al., 2009 и др.]. Интересно, что полученные нами данные согласуются с анализом содержания социальных представлений о материнстве, полученных на примере различных культур: это отражение феномена «материнского мандата» [Meeyers, 2001; Gillespie, 2003; Mamabolo et al., 2009]; нормативность переживания материнства исключительно в эмоционально позитивном ключе [Kruger, 2006]; существование в общественном сознании крайне жесткого образа идеальной матери, которому практически невозможно соответствовать [Triliva, 2014]; наконец, выход представлений о материнстве за пределы сферы семейных отношений [Millward, 2006; Haunes, 2008]. Важным, в том числе и с методологической точки зрения, нам видится то, что описываемые аспекты социальных представлений (прежде всего их амбивалентное и малоосознаваемое содержание) находят свое отражение в пространстве интернет-коммуникации, что согласуется с позицией ряда современных авторов [Mittra, Watts, 2002; Tanner, 2006].

Подводя итоги, отметим следующее. Социальные представления о материнстве неоднородны: помимо декларируемого содержания, предполагающего исключительно позитивный образ материнства в общественном сознании, они включают в себя имплицитные (малоосознаваемые) компоненты, содержащие противоречивые ожидания от женщины в материнской роли.

В условиях современного российского общества содержание социальных представлений о материнстве определяется противоречивостью ожиданий от женщины-матери, наделянием ее сверхответственностью за благополучие в различных сферах жизни, в силу которой соответствие этим ожиданиям в полной мере оказывается невозможным. Содержательно описываемые противоречия затрагивают сферу взаимоотношений женщины-матери с детьми (в континууме «мало внимания детям — мало внимания себе»), взаимодействия с мужем (в континууме «мало внимания детям — мало внимания мужу»), профессиональной самореализации женщины (в континууме «мало внимания детям — карьерная несостоятельность/финансовая зависимость»). Описанные противоречия несут в себе потенциал конфликтности в межличностных отношениях (как в семье, так и за ее пределами), выступают основанием для неявной дискриминации женщин-матерей в различных сферах жизни, а также для проявления эффекта самодискриминации.

Наши утверждения требуют более углубленного эмпирического анализа. В частности, важно сопоставить женский взгляд на данную проблему, представленный на анализируемом форуме, с мужской точкой зрения. Кроме того, целесообразно более детально изучить влияние социальных представлений о материнстве на самоотношение женщины и ее отношения с другими людьми, а также выявить способы разрешения отмеченных противоречий.

Библиографический список

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997. 239 с.
- Васягина Н. Н. Образ матери: особенности репрезентации в сознании россиян // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 138—145.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 400 с.
- Конторович С. Д. Некоторые аспекты образа матери и их отражение в представлениях современных россиян // Известия Дальневосточного федерального университета. 2010. № 1. С. 101—108.
- Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 2. С. 3—14.
- Павлова Е. В., Лесите Э. Ю., Смирнова С. В. Эксплицитные и имплицитные представления первокурсников о результатах высшего образования // Перспективы науки. 2015. № 11 (74). С. 126—133.
- Пономарева Е. В. Представления взрослых об образе материнства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 474—482.
- Юсупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России: («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.
- Aono A., Kashiwagi K. Myth or fact: conceptions and realities of Japanese women/mothers // *Feminism & Psychology*. 2011. Vol. 21 (4). P. 516—521.
- Augoustinos M., Innes J. M. Towards an integration of social representations and social schema theory // *British Journal of Social Psychology*. 1990. Vol. 29. P. 213—321.
- Costa B. M., Walker A., Zinkiewicz L., Berman H., Cartledge A., Nheng S. The maternity journey in an organisational context: a case study // *The Australian and New Zealand Journal of Organisational Psychology*. 2012. Vol. 5. P. 43—49.
- Gillespie R. Childfree and feminine: understanding the gender identity of voluntary childless women // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17. P. 122—136.

- Haynes K. Transforming identities: accounting professionals and the transition to motherhood // *Critical Perspectives on Accounting*. 2008. Vol. 19. P. 620—642.
- Kruger L. Motherhood // *The Gender of Psychology* / ed. by T. Shefer, F. Boonzaier, P. Kiguwa. Cape Town: UCT Press, 2006. P. 182—195.
- Mamabolo I., Langa M., Kiguwa P. To be or not to be a mother: exploring the notion of motherhood among university students // *South African Journal of Psychology*. 2009. Vol. 39 (4). P. 480—490.
- Meyers D. T. The rush to motherhood-prenatalist disclosure and women's autonomy // *Journal of Women in Culture and Society*. 2001. Vol. 26. P. 735—773.
- Millward L. J. The transition to motherhood in an organizational context: an interpretative phenomenological analysis // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2006. Vol. 79. P. 315—333.
- Mitra A., Watts E. Theorizing cyberspace: the idea of voice applied to the internet discourse // *New Media & Society*. 2002. Vol. 4. P. 479—498.
- Russo N. F. Overview: sex roles, fertility and the motherhood mandate // *Psychology of Women Quarterly*. 1979. Vol. 4 (1). P. 7—18.
- Shpakovskaya L. How to be a good mother: the case of middle class mothering in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67, № 10. P. 1571—1586.
- Tanner E. Chilean conversations: internet forum participants debate Augusto Pinochet's detention // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 51. P. 383—403.
- Triliva S. From icon to person: findings from a qualitative study of motherhood in Crete // *Europe's Journal of Psychology*. 2014. Vol. 7 (4). P. 640—663.

References

- Andreeva, G. M. (1997) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniia* [Psychology of social cognition], Moscow: Aspekt-Press.
- Aono, A., Kashiwagi, K. (2011) Myth or fact: conceptions and realities of Japanese women/mothers, *Feminism & Psychology*, vol. 21 (4), pp. 516—521.
- Augoustinos, M., Innes, J. M. (1990) Towards an integration of social representations and social schema theory, *British Journal of Social Psychology*, vol. 29, pp. 213—321.
- Costa, B. M., Walker, A., Zinkiewicz, L., Berman, H., Cartledge, A., Nheng, S. (2012) The Maternity journey in an organisational context: A case study, *The Australian and New Zealand Journal of Organisational Psychology*, vol. 5, pp. 43—49.
- Emel'ianova, T. P. (2006) *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [The construction of social ideas in the context of the transformation of Russian society], Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Gillespie, R. (2003) Childfree and feminine: understanding the gender identity of voluntary childless women, *Gender & Society*, vol. 17, pp. 122—136.
- Haynes, K. (2008) Transforming identities: accounting professionals and the transition to motherhood, *Critical Perspectives on Accounting*, vol. 19, pp. 620—642.
- Iusupova, O. G. (2000) Sotsial'nyi smysl materinstva v sovremennoi Rossii: ("Vash rebënok nuzhen tol'ko Vam") [The social meaning of motherhood in modern Russia: ("It is only you, who needs your child")], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 98—107.
- Kontorovich, S. D. (2010) Nekotorye aspekty obraza materi i ikh otrazhenie v predstavleniiakh sovremennykh rossiian [Some aspects of the image of the mother and their reflection in the representations of modern Russians], *Izvestiia Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta*, no. 1, pp. 101—108.
- Kruger, L. (2006) Motherhood, in: Shefer, T., Boonzaier, F., Kiguwa, P. (eds), *The Gender of Psychology*, Cape Town: UCT Press, pp. 182—195.

- Mamabolo, I., Langa, M., Kiguwa, P. (2009) To be or not to be a mother: exploring the notion of motherhood among university students, *South African Journal of Psychology*, vol. 39 (4), pp. 480—490.
- Meyers, D. T. (2001) The rush to motherhood-prenatalist disclosure and women's autonomy, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 26, pp. 735—773.
- Millward, L. J. (2006) The transition to motherhood in an organizational context: An interpretative phenomenological analysis, *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, vol. 79, pp. 315—333.
- Mitra, A., Watts, E. (2002) Theorizing cyberspace: The idea of voice applied to the internet discourse, *New Media & Society*, vol. 4, pp. 479—498.
- Moskovichi, S. (1995) Sotsial'nye predstavleniia: istoricheskii vzgliad [Social views: a historical perspective], *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 3—14.
- Pavlova, E. V., Lesite, E. Iu., Smirnova, S. V. (2015) Èksplitsitnye i implitsitnye predstavleniia pervokursnikov o rezul'tatakh vysshego obrazovaniia [Explicit and implicit representations of freshmen on the results of higher education], *Perspektivy nauki*, no. 11 (74), pp. 126—133.
- Ponomareva, E. V. (2014) Predstavleniia vzroslykh ob obraze materinstva [Representations of adults about the image of motherhood], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 474—482.
- Russo, N. F. (1979) Overview: sex roles, fertility and the motherhood mandate, *Psychology of Women Quarterly*, vol. 4 (1), pp. 7—18.
- Shpakovskaya, L. (2015) How to be a good mother: The case of middle class mothering in Russia, *Europe-Asia Studies*, vol. 67, no. 10, pp. 1571—1586.
- Tanner, E. (2006) Chilean conversations: Internet forum participants debate Augusto Pinochet's detention, *Journal of Communication*, vol. 51, pp. 383—403.
- Triliva, S. (2014) From icon to person: Findings from a qualitative study of motherhood in Crete, *Europe's Journal of Psychology*, vol. 7 (4), pp. 640—663.
- Vasiagina, N. N. (2015) Obraz materi: osobennosti reprezentatsii v soznanii rossiian [The image of the mother: the features of representation in the minds of Russians], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 6, pp. 138—145.

Статья поступила 09.04.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Микляева Анастасия Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Румянцева Полина Витальевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, polinarum@gmail.com (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).